

№ 4256 от 06.02.2017

Александр Рубцов

Игры памяти

Философ Александр Рубцов об отношениях научной, государственной и частной истории

Борьба за неприкосновенность исторического мифа трудна, но благодарна

Михаил Климентьев / Пресс-служба президента РФ / ТАСС

Историческая тематика сейчас выходит на первый план в идейных дискуссиях, провоцируемых идеологической самодеятельностью при власти. Обсуждение ведется в жанре «полемики на поражение», по дворовому принципу «убийство драке не помеха». Как ни странно, самое низкопробное и грязное словоизвержение наблюдается сейчас именно в борьбе за неприкосновенность исторического мифа (или, наоборот, за

«прикосновенность» соборных сооружений, что по сути то же). Реакция на вопросы, в сообществе нормальных людей вполне обсуждаемые спокойно и рационально, вдруг оказывается мгновенной и визгливо-истерической, будто человеку вместо аргумента что-то прищемили. «Холодная гражданская война» на этом идейном поле все чаще переходит в горячую фазу.

Однако в данном разговоре под историей обычно понимается прежде всего историческая фракция идеологии и пропаганды. История как наука в формате академического знания остается на втором плане, если не вовсе исчезает в околоисторическом тумане СМИ, официальной риторики, публицистики, книжного сочинительства и пропаганды, паразитирующей на истории. Разрыв между наукой и промыванием мозгов оказывается здесь вопиющим, но это мало кого смущает, причем по обе стороны. История, историософия и историография как составляющие идеологии не считают нужным хотя бы оглядываться на науку и интересоваться мнением профессионального сообщества. И наоборот.

Ситуация отчасти новая. Даже в советской модели научная идеология, де-факто доминировавшая в режиме идеократии, старалась поддерживать хоть какое-то соответствие между мифом и собственно знанием. Это проявлялось в давлении на науку (которого сейчас существенно меньше, если не считать самоцензуры и привычки держать нос по ветру). Но это и несколько стреножило идеологическую фантазию, вынужденную оглядываться на авторитет историков-профессионалов. Сейчас эти «берега» соединяют разве что скандалы с диссертациями функционеров, содержание и методы защиты которых вызывают смешанное чувство стыда и отвращения. Однако насколько пропаганда не интересуется позицией историков, настолько же и само научное сообщество в целом предпочитает дистанцироваться от скандальных коллизий, хотя здесь есть что предъявить вежливо, весомо и зримо.

Идеологией и академическим знанием позиции истории в обществе не исчерпываются. Еще одну такую субстанцию вскрыло глубинное исследование исторического сознания и культуры памяти, проведенное в рамках проекта [«Какое прошлое нужно будущему России»](#) (Вольное историческое общество при поддержке Комитета гражданских инициатив; соавторы социологической части – Григорий Юдин и Дарья Хлевнюк). Исследование показало, что наряду с огосударствленной и героизированной историей набирает силу и иной пласт знания о прошлом – неофициальная, локальная и во многом приватная история, которой

занимаются на местах обычные люди, исследующие прошлое семьи, места или событий, связанных с близкими судьбами. Сейчас эта в самом строгом смысле слова гражданская инициатива становится массовой и системной. Среди обычных людей становится естественным, правильным и по-своему нормальным интересоваться этой близкой историей, исследовать ее и знать, обмениваться этим знанием «по горизонтали», между собой.

Если теперь представить себе в целом всю эту конструкцию из трех историй – академической (научной), идеологической (пропагандистской) и, наконец, частной (гражданской), то выявляется система сложных взаимоотношений между ними с весьма неожиданными притяжениями и отталкиваниями.

Уже отмечалось добровольно-принудительное дистанцирование друг от друга между историей научной и «историей» официально-идеологической. Примерно такое же дистанцирование есть и между государственной мифологией и знанием частным (в проекте эти две истории так и названы: «первая» и «вторая»; при этом частное знание названо здесь «второй» историей только с учетом масштабов публичной представленности, но никак не по значению, а тем более не по отношению к первичности предмета). Героический миф от власти не особенно интересуется этим низовым и повседневным знанием; в свою очередь и сама эта «история граждан» не вступает в полемические или хотя бы конкурентные отношения с «историей государства», занимаясь своим частным и честным делом спокойно и помимо власти. Пока явного конфликта здесь нет, но стоит вспомнить, как и почему Сталин в свое время столь методично, безжалостно и именно в первую голову расправился с «короедами» – с краеведением, и сейчас кажущимся совершенно не опасным для власти. Те люди наверху знали, что делают (не боюсь дать подсказку, поскольку сейчас опыт искоренения «второй истории» вряд ли повторим).

Не последнюю роль играет здесь и скрытая конкуренция «первой» и «второй» истории. Пусть они явно не спорят, но на фоне живого интереса к подлинной и близкой истории государственная мифология побед, правлений, подвигов и присоединений выглядит для людей куда менее интересной и значимой (что также выявлено в исследовании). В этом смысле нынешнее шприцевание мозгов исторической мифологией все более напоминает советскую идеологию, прежде всего ориентированную на потребление самой властью в режиме яростного самоудовлетворения.

В этом «мифе для себя» все должно было сойтись и успокоить, примирить с Большой Историей, а то, что для остальных все это могло быть смешно или неинтересно, уже не имело значения. Продвижение нынешней мифологии все так же напоминает идейную мастурбацию, публичность которой лишь еще более отвращает публику вне номенклатуры. Результативность этой бюджетоемкой деятельности не равна нулю, но ее КПД низок, а отчетность составляет отдельное направление креативной мифологии.

На фоне дистанцирования и отталкивания между историей «гражданской» и «государственной» тем более интересно неформальное сближение «второй истории» с историей научной, академической. Между ними почти нет или как минимум явно недостает связей организационных, но, как ни странно, обнаруживается много общего в этике и методологии подхода, в самом характере отношения к предмету, в самом стиле работы с материалом. Достаточно отметить навык критики внутренних и внешних источников, свойственный как строгой науке, так и «второй» истории, но сейчас практически утраченный нынешним подобием журналистики и самим обыденным сознанием, привыкающем верить во все подряд, включая то, что люди сами же воспринимают как «полезную ложь».

«Вторая история» ориентирована на выявление и восстановление исторической правды, и делает она это, минуя идеологические и политические догмы, по возможности безоценочно, без прямого расчета на политическую утилизацию. В этом она сближается с базовыми принципами и фундаментальным этосом академической науки. Что в целом неудивительно: научная честность и порядочность в жизни – свойства родственные, это качества людей одной породы.

Правда, здесь есть своя проблема. О. Георгий Флоровский писал: «Позже всего просыпается в русской душе интеллектуальная совесть – строгость и ответственность в познании». Тем более надо ценить, когда эти свойства в народе все же проявляются, причем без специального внешнего воздействия. Однако людям, испорченным пропагандой, трудно поверить, что даже публикация списочного состава органов НКВД в своей главной интенции может быть вовсе не связанной с мотивами мести и симметричного преследования. В свою очередь, и сама эта мгновенно-невротическая реакция на подобные публикации связана даже не столько с испугом от разоблачений и их возможных последствий, сколько с общим ощущением, что нечто непредсказуемо сильное тихо отбивается от рук, выходит из-под контроля, напивается крамольной самодеятельностью и

самостоятельностью – гражданской инициативой. Сам факт, что кто-то позволяет себе что-то возражать, вызывает шок, выбивающий мозг.

Что, впрочем, тоже не ново, поскольку в полной мере вымещается в отношении власти к академической науке, в равной мере гуманитарной, точной и естественной. Наука в собственном смысле слова всегда была и будет образцом честности, порядочности и достоинства – а потому живым укором для всякого рода отвязанной идеологии и политики.

Автор – руководитель Центра исследований идеологических процессов

Статья опубликована в № 4256 от 06.02.2017 под заголовком: Метафизика власти: Игры памяти

Источник: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/02/05/676238-igri-pamyati>